

Ветер взъерошил поверхность озера, заставив воду заискриться на солнце.

Шан Цюэянь не отрывал взгляда от Бай Сюя, почти уверенный, что ему это послышалось.

После аварии все вокруг — родственники, врачи, слуги — соревновались в утешениях. Впервые он услышал слова, идущие вразрез с этим хором, — жестокую, леденящую правду.

Умереть?

Шан Цюэянь, уже сделавший шаг на этот путь, спросил глухим, омертвевшим голосом:

— Не пытайся взять меня на «слабо». Думаешь, я не посмею?

Он посмотрел на свои ноги, на пустоту под коленом.

— Ты знаешь, кем я был раньше?

— Знаю, — вскинул бровь Бай Сюй. — Гонщиком.

Формульные гонки — один из самых опасных видов спорта. Всплеск адреналина там всегда идет рука об руку со смертельным риском. Одно неверное движение — и человек превращается в фарш вместе с машиной.

Гонки — это танец со смертью.

Бай Сюй понял невысказанный подтекст и безжалостно добил:

— Погибнуть на трассе — это уйти героем в глазах фанатов. Утопиться в озере сейчас — это уйти трусом.

— ...

Бай Сюй наклонился к нему, и его мягкое лицо вдруг стало пугающе пронзительным:

— Посмотри на себя. Сейчас ты выглядишь как размазня. Ты и есть трус.

Руки Шан Цюэяня судорожно сжали плед, на тыльной стороне ладоней вздулись вены.

— Заткнись! — рявкнул он. — Не тебе меня учить! Проваливай!

Бай Сюй принял этот гнев на себя, продолжая тыкать его носом в правду, которую тот не хотел признавать:

— А ты знаешь, сколько людей сейчас хихикает за вашими спинами? Над тобой, над твоим братом, над всей третьей ветвью?

— Третий господин лежит в коме. Враги только и ждут, когда ты тоже свалишься.

— Умереть легко. Сбежать тоже нетрудно. Давай, четвертый господин, вперед! Умри и смотри с того света...

— Смотри, как место твоей семьи, место твоего брата, кусок за куском отгрызают хищники. И когда щит в виде стариков Шан исчезнет, ты поймешь, что такое «хуже смерти».

В мире больших денег закон джунглей — единственное правило.

Сейчас авторитет старого патриарха удерживает семью от открытой войны, заставляя изображать братскую любовь. Но старики не вечны.

Герой уходит в закат.

Рано или поздно наступит день, когда он не сможет сдерживать хаос.

В середине оригинального романа, как только старик Шан слег, началась бесконечная череда заговоров и интриг.

— И тогда твой брат, даже если не умрет от болезни, будет «убит» иначе.

— ...

У Шан Цюэяня перехватило дыхание, он задрожал:

— Только посмей каркать на моего брата!

Братья, с разницей в возрасте менее четырех лет, были полными противоположностями.

Все эти годы именно Шан Яньсяо тянул на себе груз семейного бизнеса, позволяя младшему «бунтовать» и заниматься любимым делом.

Для Шан Цюэяня брат был идеалом.

Заметив эту привязанность, Бай Сюй мысленно улыбнулся. Вспомнив лежащего в спальне Шан Яньсяо, он решил немного разрядить обстановку.

— Ошибаешься. Я молюсь, чтобы третий господин жил вечно. Я с таким трудом нашел идеального мужа, как я могу его отпустить?

Вторая часть фразы прозвучала нарочито двусмысленно.

Бай Сюй наклонился еще ниже, встречаясь глазами с Шан Цюэянем, и поддразнил:

— Твой брат красавчик. И тело у него наверняка отличное. Надо будет как-нибудь потрогать, проверить.

— Ты не посмеешь! — взвился Шан Цюэянь.

От суицидальных мыслей не осталось и следа. Он кипел от возмущения:

— Мой брат никогда не посмотрит на такого альфонса, как ты!

Бай Сюй, убедившись, что вывел его из ступора, продолжил провокацию:

— То «паразит», то «альфонс»... Младший братик, как некрасиво ругаться.

— Насколько ты старше меня? — огрызнулся Шан Цюэянь.

Бай Сюй сделал серьезное лицо:

— Учитывая мой брак с твоим братом, ты мог бы называть меня...

— Даже не мечтай! — перебил его Шан Цюэянь, покраснев от злости до ушей. — Мерзость

какая!

Убедившись, что пациент скорее жив, чем мертв, Бай Сюй выпрямился:

— Дам тебе еще один совет напоследок.

— Иногда жить требует больше мужества, чем умереть. По крайней мере, пока ты жив, у тебя есть шанс переписать судьбу.

Шан Цюэянь замер.

Бай Сюй, уверенный, что главный герой романа не так слаб, чтобы сломаться окончательно, развернулся и пошел прочь:

— Бывай. Посиди, подумай.

— ...

Шан Цюэянь смотрел ему вслед. Его пальцы, до побеления сжимавшие плед, медленно разжались. Тяжесть, давившая на сердце последние дни, вдруг стала чуть легче.

— Четвертый господин!

Дядюшка Линь бежал к нему со всех ног, задыхаясь от волнения:

— Почему Вы ушли без предупреждения? Где охрана? Как они могли... Я сейчас же...

— Дядюшка Линь, они ни при чем. Я сам захотел побыть один, — прервал его Шан Цюэянь.

Взглянув в полные тревоги глаза старого слуги, он почувствовал, как туман в голове рассеивается.

— Не волнуйся. Я больше не буду делать глупостей.

— ...

Линь заметил перемену в его настроении и замер, боясь спугнуть надежду.

Шан Цюэянь опустил глаза на плед, глубоко вздохнул и медленно, осторожно откинул его.

— Четвертый господин! — сердце Линя подпрыгнуло.

Шан Цюэянь смотрел на свою культю, на эту необратимую утрату, но на этот раз без истерики и отвращения.

— Дядюшка Линь, родители ушли. Брат в коме. Теперь третья ветвь держится только на мне, верно?

Линь старался не давить:

— Всё наладится. Третий господин обязательно очнется. И Вы, молодой господин, поправитесь.

Старая госпожа уже договорилась с лучшими протезистами. Как только рана заживет, можно начинать реабилитацию.

Слова Бай Сюя эхом отдавались в голове Шан Цюэяня. Эти резкие фразы, как скальпель, вскрыли нарыв его депрессии.

Да, он не может позволить, чтобы его, его брата, его семью презирали!

Каким бы трудным ни был путь впереди, он должен найти в себе мужество идти по нему!

Спустя почти два месяца Шан Цюэянь впервые почувствовал желание жить.

— Дядюшка Линь, я проголодался. Хочу домой, поесть.

Линь просиял:

— Хорошо! Хорошо! Идемте скорее!

В просторной спальне на втором этаже Шан Яньсяо, отбросив роль «овоща», неторопливо наслаждался изысканным обедом.

Вскоре он отложил палочки.

Се Ци, глядя на оставшуюся еду, озабоченно спросил:

— Третий господин, может, еще немного? Вы сильно похудели за последнее время.

Чтобы поддерживать легенду и быть готовым к внезапным проверкам, Шан Яньсяо жестко ограничивал себя в еде. А поскольку тренироваться в полную силу он тоже не мог, потеря веса была неизбежна.

— Хватит.

Шан Яньсяо вытер губы салфеткой, встал и медленно подошел к окну. Сквозь щель в шторах он наблюдал за садом. В его глазах не было покоя.

— Где Сяо Янь? Как он?

— Дядюшка Линь говорит, что его эмоциональное состояние очень нестабильно. Я видел его утром — он страшно исхудал.

Прежний Шан Цюэянь был дерзким, уверенным в себе парнем, полным жизни. А не этой бледной тенью в инвалидном кресле, потерявшей всякий интерес к существованию.

— ...

Шан Яньсяо нахмурился.

Се Ци снова решился спросить:

— Третий господин, может, стоит рассказать четвертому господину правду о Вас?

В глазах Шан Яньсяо мелькнула жалость, но голос остался твердым:

— Пока нет. В этом доме, полном змей, он не сможет вечно прятаться за моей спиной.

Раньше он бы позволил брату жить в свое удовольствие. Но теперь всё изменилось.

Родителей не вернуть. Семья на грани краха. Чтобы выжить и вернуть позиции, одного его, Шан Яньсяо, будет мало.

Он любил брата, но понимал: тот должен закалиться в этом огне, вырасти через боль. Если он сломается сейчас, то станет именно тем, над кем смеются враги.

Если Шан Цюэянь не сможет подняться, Шан Яньсяо будет больно, но это будет означать одно: его брат действительно слаб.

— Завтра семейный ужин.

Шан Яньсяо обернулся, отгоняя мрачные мысли.

— Найди время вечером, поговори с Сяо Янем и Линнем. Предупреди их, чтобы завтра были осторожны со второй ветвью.

— Понял! — кивнул Се Ци.

Они уже выяснили: подкупленный медбрат действовал по наводке людей, связанных со второй семьей через дальних родственников.

Использовать такую сложную цепочку, чтобы купить сиделку?

Вторая семья либо параноидально осторожна, либо феноменально глупа.

Се Ци вспомнил еще кое-что:

— Третий господин, а что насчет господина Бая? Нужно ли мне его проинструктировать?

Характер у старого патриарха Шана был скверный и непредсказуемый. Мало кто мог его понять. Если Бай Сюй ляпнет что-то не то, гнев деда обрушится на всю третью ветвь.

На таких ужинах лучшее, что можно сделать, — молчать.

Шан Яньсяо нахмурился. Но не успел он ответить, как из-за двери донесся громкий голос Чэнь Юйфэя:

— Господин Бай, Вы вернулись?

Голос звучал неестественно громко — явный сигнал тревоги. Лица Шан Яньсяо и Се Ци мгновенно изменились.

— Быстро!

Шан Яньсяо метнулся к кровати. Его всегда спокойное лицо отразило напряжение. Прикрепить датчики он уже не успевал.

— Задержи его! Не пускай!

— Есть!

Се Ци схватил поднос с едой, переставил его на столик в зоне отдыха (подальше от кровати) и

поспешил к двери.

Щелк.

Дверь открылась.

Бай Сюй стоял на пороге, небрежно бросая:

— Поел, делать нечего, дай, думаю, мужа проведу.

— Господин Бай, э-э... — Се Ци возник перед ним, поправляя очки. — Сейчас не очень удобно.

— Не удобно? — удивился Бай Сюй.

Се Ци, тертый калач, не моргнув глазом соврал:

— Мы как раз проводим гигиенические процедуры третьему господину, так что сейчас не лучшее время.

— ...

Взгляд Бай Сюя изменился.

— Вот как?

Бизнес-ассистент моет босса?

Се Ци продолжал вдохновенно врать:

— Новую сиделку еще не нашли, приходится мне помогать. Кстати, господин Бай, Вы вовремя. Я хотел кое-что Вам сообщить.

— М?

— «Золотая Сотня» сегодня с утра начали давить тему в сети. Денег не жалеют, так что волна хейта скоро спадет.

Се Ци перешел на деловой тон, но за стеклами очков мелькнуло беспокойство.

— И еще... ходят слухи, что кто-то распускает сплетни в наших кругах.

— Говорят, что это Вы начали конфликт, оскорбляли людей и натравили телохранителя, который избил Чэнь Шаосюаня до полусмерти. Якобы он даже в больнице.

Чэнь Юйфэй, стоявший рядом, возмутился:

— Чушь собачья!

Это же наглая клевета! Он профессионал, бил аккуратно, ничего серьезного там быть не могло.

Чэнь Юйфэй кипел от негодования, но Бай Сюй воспринял новость на удивление спокойно:

— Ничего. Скоро им будет не до разговоров.

Се Ци не понял:

— Что?

Бай Сюй не стал объяснять. Вместо этого он спросил:

— Завтра семейный ужин? Во сколько начало?

— Дед всегда начинает ровно в 17:30, — Се Ци решил всё же дать совет. — Господин Бай, на таких мероприятиях... лучше помалкивать. Поешьте и возвращайтесь.

— ...

Бай Сюй вспомнил описание нрава старого Шана в книге. Каждый семейный ужин превращался в судилище. При этой мысли он не испугался, а наоборот, почувствовал предвкушение.

— Господин Бай? — окликнул его Се Ци, видя, что тот задумался.

Бай Сюй улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз:

— Угу, я понял.

Помалкивать?

Ну уж нет.

Он как раз собирался устроить шоу!

<http://bllate.org/book/13769/1215272>